

мастера современной прозы

ЯСУНАРИ КАВАБАТА

Ясунари Кавабата

Природа

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155744

Ясунари Кавабата, серия «Мастера современной прозы»: Прогресс;

Москва; 1971

Содержание

Ясунари Кавабата

Природа

Я хочу рассказать историю из жизни одного бродячего актера, которую я услышал от него в гостинице на водах. Рассказ мой, возможно, покажется немного романтическим, но и сама жизнь этого актера, пожалуй, больше похожа на старинную легенду, чем на быль.

В июне этого года по пути в Ямагата я решил заехать на горячие источники. Мне захотелось это сделать потому, что когда-то на этом курорте, находящемся на морском побережье в префектуре Ямагата, часто отдыхал мой покойный друг. Мое возвращение в Токио, таким образом, на день задерживалось, но все же это было по пути.

Мой друг часто рассказывал мне о красоте здешних дюн и солнечных закатов. Когда моя автомашина выехала из сосновой рощи на взморье, я и в самом деле увидел цепочку дюн. И почва в роще, через которую я только что проехал, и окрестные поля были песчаные. Мягкая волнистая поверхность давала основание думать, что здесь некогда тоже были дюны. Видимо, и побережье, и почву в роще, и поле занесло песками.

Поднявшись на второй этаж гостиницы, я тут же вышел

в коридор и стал смотреть на море. Солнце еще не зашло, но красоты дюн, лежавших передо мною, я не почувствовал. Пейзаж показался мне довольно унылым. Кругом рос ослинник, но он еще не цвел. Кроме него, рос еще, кажется, хамаю¹ или как он там называется, но цветов на нем тоже не было.

Вероятно, дюны выглядят красивыми в определенное время года, в определенный час и при определенном освещении. Иногда, наверное, сам цвет песка делает это зрелище прекрасным, а окраска песка в свою очередь хоть и в малой степени, но зависит и от цвета неба, и от цвета моря.

Мой друг, подолгу отдохавший в этих местах, по-видимому, наблюдал природу в те часы, когда и дюны и вечерние зори здесь действительно восхитительны. Размышляя об этом и рассеянно глядя на море, я обратил внимание на необычную темноту горизонта. Зрелище это было совсем иное, чем то, которое привык наблюдать на взморье западнее или южнее Токио. Я еще ни разу нигде не видел такого темного горизонта, как в этом северо-восточном уголке. Судя по листве на деревьях, лето здесь как бы запаздывало на месяц по сравнению с токийскими широтами. Но все-таки был июнь, и курортники щеголяли в летних кимоно. Да и море вряд ли можно было назвать зимним. Просто таким, вероятно, и должно быть северное море.

Мрачным был не только горизонт, но и цвет моря. Продолжая разглядывать море из своего номера, я снова вспом-

¹ Хамаю – луковичное декоративное растение.

нил, что здесь часто бывал мой друг, и мне стало грустно. Быть может, он говорил о прелести здешних закатов потому, что они отдаленно напоминали ему северное сияние?

Однако, когда я разговорился со служанкой, подававшей мне ужин, выяснилось, что мой покойный друг вовсе не любил комнат с видом на море, а предпочитал такие, из которых моря не видно. Приезжать в гостиницу на взморье и выбирать комнаты, из которых не видно моря, – в этом было что-то странное. Сначала я удивился, но потом решил, что, возможно, это в порядке вещей.

– После я вам покажу комнату, в которой он жил, – сказала служанка. – Сейчас там остановился один артист...

– Ну, тогда это неудобно, – сказал я в ответ.

– Ничего, ничего. Этот артист – любитель литературы и очень доволен, что занимает номер, в котором раньше часто останавливался Кисияма-сан.

Из книги для приезжающих служанка знала, что я тоже писатель, как и мой покойный друг Кисияма. По ее словам, она всегда обслуживала Кисияму во время его приездов сюда. Кисияма часто бывал здесь еще до войны, то есть десять с лишним лет назад, но служанка выглядела еще довольно молодо.

– А барышни Кисиямы-сан поди совсем уже взрослые стали, да? – спросила она.

– Да, – ответил я. – Старшая вышла замуж, и в прошлом году у него родился ребенок. А младшая – студентка, учится

в Америке. Старшей дочери это я сосватал жениха.

– Ах, вот даже как!... Значит, госпожа Кисияма теперь совсем одна?... Должно быть, скучно ей стало.

Служанка вышла из комнаты и вскоре принесла небольшую фотографию. На снимке была запечатлена семья Кисиямы во время пребывания ее в этой гостинице. Дочери были еще стрижеными девчонками. Увидел я на карточке и эту служанку.

– Какие здесь все еще молодые, и Кисияма... – сказал я. – А старшая дочь и сейчас еще настоящая красавица.

В альбоме я прочитал написанные характерным почерком Кисиямы слова: «Из тысячи истоков – десять тысяч потоков». Слева оставалось свободное место, и я написал: «Потоки желаний смывают печаль», после чего добавил: «как однажды сказал Кисияма». Это были не его слова, а одна строчка из китайского стихотворения. Кисияма когда-то написал мне этот стих на память. Вспомнив сейчас эти слова, я впервые по-настоящему почувствовал их многозначительность. Сейчас получалось любопытно, будто мы с Кисиямой вместе приезжали сюда и одновременно сделали эту запись. Кисияма умер уже лет семь или восемь тому назад, и, глядя на эти рядом стоящие строчки, я испытывал странное чувство. Кисияма погиб при загадочных обстоятельствах на Кюсю, на аэродроме, который служил военно-воздушной базой для штурмового отряда смертников.

– Так вы хотите посмотреть комнату господина Кисия-

мы? – вывела меня из задумчивости служанка. – Я артиста предупредила, он сказал, что будет очень рад вас видеть.

– Он что же, на гастроли сюда приехал?

– Да... Играл в соседнем городке и подружился со здешней пампан. Из труппы он ушел, остался один, и эта женщина, кажется, помогает теперь ему деньгами. Он очень красивый мужчина... Когда идет по улице, так все невольно оборачиваются. – Закрыв альбом – моя надпись в нем уже просохла, – служанка добавила:

– А женщин таких по-нынешнему называют пампан, а раньше их звали просто проститутками.

Вместе со служанкой я спустился вниз. Остановившись в коридоре перед номером артиста, она громко сказала:

– Урю-сан, к вам господин Ураката пожаловал.

Послышались шаги, сёдзи раздвинулись, и в первое мгновение мне показалось, что передо мной появилось не лицо человека, а какой-то роскошный белый цветок. Когда мы уселись, я подумал, что лицо у Урго, пожалуй, напоминает скорее искусственный цветок.

После любезного приветствия актер сказал:

– Мне доставляет огромное удовольствие жить в комнате, в которой когда-то останавливался Кисияма-сэнсэй. Я очень люблю его книги и читал их, еще когда учился в колледже.

«Бродячий актер, учившийся в колледже. Как странно!» – подумал я, но вслух сказал о другом:

– Но помилуйте, жить в гостинице на берегу моря и зани-

мать комнату, из которой моря не видно!...

– Вы совершенно правы, – поспешил согласиться собеседник. – Но у меня тяжелое заболевание, из-за которого я не могу долго смотреть ни на небо, ни на море. Начинают черные мушки мельтешить перед глазами, застилая все вокруг... – Урю запнулся и заморгал ресницами, изображая слепого. Но в выражении его глаз было бессознательное кокетство. Я почувствовал притягательную силу этих глаз. Мне даже показалось, что где-то, когда-то я видел девушку с такими же прекрасными глазами и их чарующий взгляд остался в моей душе, будя в ней тоскливое чувство, похожее на сожаление о несбывшейся мечте. У него были совершенно женские глаза. Они казались подернутыми грустной дымкой и в то же время оставались безупречно чистыми и ясными. Это порождало двойственность взгляда, как будто сквозь одни глаза на тебя смотрели еще одни, находившиеся где-то дальше, в глубине. Что-то неприятное сквозило во взгляде этих прекрасных и вместе с тем странных глаз.

– ...Какие-то черные мушки начинают мельтешить перед глазами... – повторил Урю. – Порой мне начинает казаться, – продолжал он, – что это мельтешит моя жизнь, моя душа, что это мои грехи, мой позор, превращаясь в черную россыпь, заполняют все вокруг...

– Хм, – хмыкнул я, немного помедлив с ответом и только взглянув на солнцезащитные очки в оранжевой оправе, лежавшие на столике, сказал: – Вы знаете, возможно, в более

легкой форме, но такой же болезнью страдаю и я. У меня тоже иногда эти мушки мельтешат перед глазами. Кажется, и у Кисиямы это бывало.

– Насколько я помню, – возразил Урю, – господин Кисияма в своих дзуйхицу² пишет, что у него мелькали перед глазами обрывки каких-то черных нитей. Но они не кружились, не извивались, а просто мешали хорошо видеть, подобно соринкам на стеклах очков, и передвигались лишь при изменении, направления взгляда.

– Это верно, – подтвердил я.

Любопытно, сколько этому человеку лет? Судя по гладким и свежим щекам и шее, этот красавец еще совсем молод. Наверное, нет и тридцати, подумал я и посмотрел во двор.

– Неужели Кисияма предпочитал смотреть на этот двор, а не на море? – проговорил я, словно рассуждая вслух. – Ведь тут и смотреть-то не на что.

Дворик был узкий и темный. Напротив стоял еще один двухэтажный корпус. Во дворе росло несколько чахлах, коротко подрезанных деревьев. Декоративные камни были мелкие. В префектуре Ямагата, по-видимому, много садовых рододендронов и карликовых деревьев. В пути я везде видел цветы, но здесь ими и не пахло.

– Я думаю, что Кисияма-сан во двор не смотрел, – сказал Урю. – Это окно ему нужно было лишь для света. Он потому и любил эту комнату, что отсюда ничего не было видно.

² Дзуйхицу – записки, эссе.

Разговор меня заинтересовал, и я снова внимательно оглядел этого странствующего актера. Под легким летним кимоно на нем была надета трикотажная рубашка с высоким воротничком. Рубашки эти были сейчас в моде, но я считал, что они как-то не сочетаются с кимоно. Потрогав руками воротник рубашки, Урю повернул голову в сторону окна. Я был поражен красотой его шеи. Нежностью линий она напоминала женскую, но была не черезчур изящной и не очень округлой.

– Вы говорите, – сказал я, – что Кисияма, возможно, любил эту комнату потому, что отсюда ничего не было видно? Любопытная мысль! Но вы ведь актер и, наверное, любите не только показывать, по и смотреть.

– Как вам сказать... Я люблю зелень, деревья...

– Деревья? Большие деревья я тоже люблю.

– Мне нравятся и маленькие и большие.

– Но ни на что не смотреть – это все равно что уподобиться Бодидарме, просидевшему девять лет лицом к стене.

– Старики, собственно, так и живут. Я имею в виду глубоких стариков, ожидающих свою естественную смерть.

– Пожалуй, вы правы, – согласился я.

– Среди моих родичей в деревне есть девяностосемилетний старик. Он самый старый долгожитель в этой деревне. Его сыну, которого мы называем «младшим дедушкой», уже перевалило за семьдесят. В мае я ездил с ним повидаться, девяностосемилетний старик целые дни проводил в посте-

ли, так что нельзя было определить, когда он дремлет и когда бодрствует. Он уже лет пятнадцать живет в отдельном флигеле, и к нему для ухода приставлена старая служанка. Но сейчас, когда после войны помещичья земля была конфискована, приходится работать больше, чем каким-нибудь арендаторам, иначе не проживешь. Поэтому старая служанка теперь больше занята на полевых работах, чем уходом за стариком. Нередко она забывает открыть даже ставни в его флигельке. В лучшем случае чуть приоткроет, лишь бы свет проникал. А в плохую погоду и вовсе не открывает. Правда, зимой это, может, и следует – ведь теплее становится. Но главное в другом – старик не замечает, открыты ставни или нет. По-видимому, он уже не отличает дня от ночи. Разве это не доказательство, что он ничего не видит?

– Пожалуй. Но, может, у него зрение испорчено?

– Не знаю, но катаракты у него нет, глаза черные, ясные и до сих пор красивые, так что, по-моему, он должен видеть. Глаза-то, наверное, еще видят, а вот голова уже, должно быть, поводит. – Говоря это, Урю взглянул на меня затуманенным взором глубокого старика: актер он, видно, был искусный.

– Красивые глаза, – сказал я, – это, наверное, у вас в роду.

– У старика действительно красивые глаза, возможно, у нас в роду течет кровь айну. Смолоду, как рассказывают, у старика была очень белая кожа, а под старость, когда он перестал бывать на свежем воздухе, она стала изжелта-бледной

и словно прозрачной. На ощупь она стала холодной, как лед, а глядя на его руки, можно видеть, как сквозь кожу чуть просвечивает кровь.

Потом Урю рассказал, что волосы и борода у старика совершенно седые и отливают серебром. У его семидесятилетнего сына пока еще только проседь, а у отца уже нет ни одного черного или рыжеватого волоска.

– И на этом фоне белой кожи и серебряных волос, – продолжал Урю, – особенно ярко блестят его почти совсем черные глаза, и это производит удивительное впечатление. Когда я подумал, что эти чудесные черные глаза на все смотрят и ничего не видят, мне стало больно и я заплакал.

– Я понимаю вас, – кивнул я. – Прожить такую долгую жизнь – это само по себе добродетель, это как бы естественное счастье. Люди, если они доживают до такого возраста и умирают естественной смертью, возможно, и не нуждаются в медитации Бодндармы.

– Да, – согласился Урю. – Во время войны, примерно лет десять назад, старику тоже пришлось пережить острые минуты. Меня... как бы вам это сказать... в то время вроде бы не было в Японии. Я вычеркнул себя из списка живых, исчез и оказался в таком положении, что не знал, умру ли когда-нибудь собственной смертью или меня расстреляют. Однажды я страшно затосковал по деревне. Переодевшись, я отправился туда. Под покровом ночи я прокрался к флигелю. Я старался ступать так, чтобы не слышно было шагов.

Сёдзи в домике были наглухо задвинуты. И вдруг из глубины домика послышался громкий голос: «Кто там? Призрак или вор? Или это ты, Момосукэ?» Момосукэ – это мое имя. Я затаил дыхание. Стараясь, видимо, разбудить служанку, старик говорил: «Бабка! Открой-ка дверь! Это, кажется, дух Момосукэ явился». Обомлев от страха, я пустился наутек. Каким чудом старик сумел меня увидеть? «Кажется, это дух Момосукэ явился...» Когда я услышал эти слова, мне стало страшно, и я никогда этого не забуду.

– Вы сказали, что вычеркнули себя из списка живых, исчезли?...

– Я превратился в женщину, – пробормотал Урю. – Мужчина Момосукэ исчез, а...

– Превратились в женщину? – невольно тем же тоном повторил я и с удивлением заметил, что у него и в самом деле много общего с женщиной. Но я решил на эту тему больше не распространяться и спросил:

– А в каком родстве вы состоите с этим стариком?

– Моя семья – боковая ветвь его фамилии, но мы уже давно отделились и от кровного родства почти ничего не осталось.

Из дальнейшего рассказа я узнал, что дед и отец Урю изменили своему родному краю и покинули его. Дед уехал в Токио и поступил там на государственную службу. Усадьбу он продал, дом был разобран и перевезен в Токио и там установлен на новом участке. По словам Урю, дом нисколько не

пострадал во время бомбежек. Отец Урю стал военным, но сам Момосукэ уродился, видно, в деда – он тоже пошел против родительской воли и бежал из дому. Из-за этого его отец, подполковник артиллерии, вынужден был уйти в отставку и поступил на службу в военнопromышленную фирму.

– Отец, – говорил Урю, – у которого оказался мятежный сын, был настолько огорчен, что чуть не сделал себе харакири. Но сейчас, когда Япония проиграла войну, увольнение из армии обернулось для него удачей. По крайней мере он имеет какую-то работу... В марте этого года, – продолжал Урю, – отец ездил в деревню навестить родичей. Он пошел с поклоном во флигель к старику, но оказалось, что тот спал. «В последнее время он редко когда просыпается», – сказала старая служанка. Но в это время старик вдруг проснулся. Отец несколько раз громко назвал свое имя. Старик спросил: «Кто? Тораносукэ? Это который? Предмостный?... Про все, что было, я уже начисто забыл». Сказав это, он снова погрузился в сон. Отец и «младший дедушка» горько усмехнулись и возвратились в главный дом. Я тогда с отцом не встречался, а рассказал мне об этом «младший дедушка», когда я месяц спустя тоже приезжал в деревню...

Фамилия отца Момосукэ, как он мне дальше рассказал, тоже была Урю. Но в деревне было много людей с такой фамилией, и, так как дом его предков стоял близ моста, их стали звать Урю с Предмостья или для краткости Хасимото – Предмостные, благо такая фамилия существует. Дерев-

ня, откуда были родом предки Урю, расположена на берегу небольшого залива. С окружающих холмов почти к самой воде сбегают домишки. Зелень холмов и синева моря здесь удивительно густого цвета. Издали деревушка похожа на исполненный в ярких красках декоративный пейзаж. Население деревни наполовину занималось земледелием, наполовину – рыболовством. Поля располагались на холмах. Семья девяностосемилетнего Урю рыболовством не занималась.

– Про все, что было, я, братец, начисто забыл, – повторил Урю слова старика и добавил: – Для нас, вероятно, было бы спасением, если бы и мы могли сказать это про себя.

– Это верно, – подтвердил я, – но до того времени, когда мы сможем это сказать, нам придется ждать еще лет сорок, а то и больше. А это срок долгий. Но в отличие от покойного Кисиямы мы еще живы, так что положенное нам время – это плюс икс. А вот сколько лет это составит, мы не знаем.

Урю почему-то насупил брови и снова начал рассказывать.

– Старик часто говорил: «Я помру в марте, обязательно в марте». Домашние с улыбкой ему возражали: «В марте, дедушка, еще снег идет и очень холодно. Отложите хотя бы еще на месяц, когда зацветет сакура». А старик, нахмурясь, отвечал: «Нет, умру я в марте». И в марте этого года он сильно простудился, еще больше ослаб, стал заговариваться, так что все думали, что наступил конец. И возраст такой, да и старик все время говорил, что умрет в марте. Короче, все уже

настроились его хоронить. Уход за ним был не очень тщательный. Однако старик стал поправляться. Даже врач был удивлен, говорил, что это просто какое-то чудо. Мы с отцом поехали в деревню проведать старика вскоре после того, как он стал поправляться... Но теперь он уже больше не настаивал на том, что умрет обязательно в марте. И вообще больше не говорил о смерти. Все окружающие тоже забыли об этом. Может, это и есть естественное умирание, но теперь старик стал еще больше спать. Ел он хорошо. Правда, казалось, что он не ест, а двигает челюстями и не разбирает, что ему дают, деликатес какой или отраву. Можно было подумать, что качество пищи не имеет для него никакого значения, лишь бы ее было побольше. Однако стоило ему подсунуть дешевое печенье, как он тут же открывал глаза и спрашивал: «А повкуснее чего-нибудь нет?» Значит, вкуса он не утратил, не правда ли? А в деревне стали говорить, что старик выжил из ума и стал беспомощным и что он «переживает второе детство».

– Переживает второе детство – это хорошо сказано, – заметил я с улыбкой.

– После того случая, когда старик сказал обо мне, что это, кажется, дух Момосукэ явился, я вспоминаю о нем всякий раз, когда у меня особенно тяжело на сердце. Милый старик... А вот Кисияма-сан, такой замечательный, такой талантливый человек, и так рано умер! А как бы хотелось, чтобы он еще жил. Чтобы снова останавливался в этом номере

и прожил бы до девяноста семи лет! И пусть бы уже тогда тоже впал в детство – не беда!

– Н-да... – проговорил я, кивая головой, – до девяноста семи лет доживает, кажется, один человек из десяти миллионов. Если я проживу такую долгую жизнь, то, наверное, тоже невольно скажу, что «начисто забыл все», что когда-то написал.

Я переменял тему разговора и спросил:

– Вы сказали, что превратились в женщину?... Это значит, что вы играли в театре женские роли?

Опустив свои красивые глаза, он ответил:

– Нет, не просто играл женские роли, а стал актрисой и вел женский образ жизни.

– Как ото? – задал я глупый вопрос – Почему? – А про себя подумал, что этот Урю и в самом деле очень похож на женщину. И я невольно окинул взглядом его бедра.

– Уклонился от призыва. Ненавидел солдатчину. Боялся войны.

Урю отвечал холодным тоном, быстро, рублеными фразами. Я, видно, ударил по его слабому месту.

– Я, – продолжал он, – учился в колледже и подлежал зачислению в резерв, но не захотел и решил превратиться в женщину.

– Ну и как? Удалось вам это?

– Пожалуй, что удалось. Ведь солдатом я так и не стал...

– Ах так?

– Таких, как я, в свое время в журнальных статейках называли американскими шпионами. Но теперь даже те, кто побывал в плену, ходят с высоко поднятой головой. Думаю, что те те, кто уклонился от призыва, тоже могут быть свободны от всяческих упреков. Тем более что за время дезертирства я немало горя хлебнул и этим вину свою искупил.

– Но ведь тогда вам, наверное, не так уж плохо жилось?

– Я играл в трупках, гастролировавших в провинции, в деревнях. Война исковеркала судьбы многих людей, и они часто становились не тем, кем могли бы быть. Я, наверное, не единственный мужчина, принявший тогда женское обличье. Думаю, что были еще.

– Когда вы были «актрисой», вы ведь работали с труппой? Неужели никто так и не проник в вашу тайну?

– По-видимому, нет... Все обо мне знал только руководитель труппы. Чтобы другие не разоблачили меня, я добился расположения руководителя и жил под одной крышей с ним. Особенно трудно было, когда приходилось переодеваться для выхода на сцену, так как невольно нужно было обнажать грудь... Впрочем, я ее всегда обматывал марлей... Возможно, кто-нибудь что-то и подозревал, находил во мне что-то странное, но, видимо, все же не догадывался о моем превращении в женщину. – Урю чисто по-женски, кокетливо улыбнулся и продолжал: – Может быть, потому, что не всякий, кто вздумал бы предпринять то же самое, смог бы сделать это.

– Разумеется, – подхватил я. – Если бы не ваша внешность...

– Дело даже не во внешности, а в том, что в самом моем существе всегда жило женское начало... Если бы не война, я бы, вероятно, подавил его в себе. Благодаря же войне это стало проявляться разительно. Однажды мне даже сказали, что где-то видели девушку, очень похожую на меня. В общем, тогда со мной случались всякие истории...

Урю встал и зажег свет. На двор уже опустились сумерки.

– Наверное, солнце село, – сказал я. – Кисияма говорил, что здесь удивительно красивые закаты. Вы их видели?

– Нет, не видел, – как бы желая прекратить разговор на эту тему, коротко ответил Урю, но потом неожиданно добавил: – А вы хотели полюбоваться закатом? Простите, что задержал вас... Придется вам отложить это на завтра.

– Нет, завтра утром я уже уезжаю.

– Как, уже завтра?... – чуть прищурив свои черные глаза, удивился Урю. – А я надеялся, что вы дослушаете до конца мою историю...

– Я бы это сделал с большим удовольствием, но я сюда заехал ненадолго, и то лишь потому, что тут часто бывал мой покойный друг Кисияма.

– Я понимаю, – кивнул Урю. – Видите ли, в начале девятого я условился встретиться тут с одной пампан. Пробудет она у меня часов до десяти. После этого мы могли бы с вами погулять по берегу и поговорить. Но вы, наверное, завтра

рано уезжаете? – опять кокетливо спросил Урю...

Когда он заговорил о приходе проститутки, я подумал, что он хотя бы смутится, но ничуть не бывало, и тени смущения я не заметил. К нему, по-видимому, должна была прийти та самая женщина, которая оказывает ему материальную помощь...

– Превратиться в женщину, – продолжал рассказывать Урю, – я задумал заранее и поэтому еще в колледже стал отращивать себе волосы. Порядки в то время были там строгие, от меня требовали, чтобы я постригся. Надо было бежать, а то меня бы заставили это сделать, и я скрылся. Некоторое время я бродяжничал, укрываясь в парке Асакуса. Но там часто устраивались облавы, меня в любую минуту могли изловить, и я решил уехать на родину. Хотя я и называю те места своей родиной, на самом деле это родина моих предков, сам я родился в Токио, так что там меня почти никто в лицо не знал. «Кажется, это дух Момосукэ явился...» Когда я в ту лунную ночь услышал эти слова, донесшиеся из-за закрытых ставень дедушкиного флигеля, мне показалось, что меня и в самом деле больше нет в живых...

– И это вас подтолкнуло стать актрисой?

– Да. Я полюбил театр еще в средней школе и всегда играл женские роли в школьных спектаклях. В колледже я тоже участвовал в драматическом кружке. Поэтому и решил превратиться в актрису... Я здорово натренировался исполнять роли героинь. В небольших труппах, гастролировавших

в провинции, во время войны людей не хватало, и меня приняли сразу. У бродячих актеров, и у мужчин и у женщин, были выписки из книги посемейной записи ³, и они в определенный момент получали повестки и о призыве, и о трудовой повинности. Только у меня такой выписки не было. Момосукэ Урю бесследно исчез! Вы знаете, бродячие актеры подобны опавшим листьям, подхваченным ветром, – никто особенно не интересуется их прошлым, а в их рассказах о себе обычно бывает много вымысла.

– Выдавая себя за женщину, вы еще к тому же играли и женские роли – это было как бы двойным лицедейством, не так ли?

– Двойным лицедейством?... Может быть. Но в то время я, знаете, этого не чувствовал. Проклиная мир, я дурачил его, считая, что он этого заслуживает. Молодой человек, который сказал мне, что он видел девушку, очень похожую на меня, был из студентов и состоял в отряде летчиков-смертников. Наша труппа в то время давала представления в госпиталях. Пришлось побывать и на Кюсю, в расположении военно-воздушной базы штурмового отряда специального назначения.

Вдоль края пшеничного поля текла там речушка, а на противоположном берегу высился холм, покрытый густым смешанным лесом. Я шел по берегу речки, и навстречу мне попался тот бывший студент. Не успели мы разминуться, как

³ В Японии эти выписки заменяют паспорта.

он резко обернулся и впился в меня глазами. Я тоже невольно остановился и застыл на месте. Он подошел ко мне. Я спросил, был ли он вчера на спектакле. Он ответил, что был, что спектакль ему понравился, и вдруг сказал: «Ты очень похожа на девушку, которую я люблю». Я ответил, что мне это весьма приятно. Дальше между нами состоялся такой диалог:

«Хочешь, покажу ее фотокарточку?»

«А она вас за это не будет бранить?»

«Да нет, ничего, – ответил он и вдруг спросил: – Можешь перепрыгнуть через эту речку?»

«О нет, – ответил я, – я ведь женщина!»

«Ладно, – сказал он, – тогда я тебя перенесу».

«Что вы, что вы!» – запротестовал я, но парень схватил меня на руки, перенес через речку и увлек в лесную чащу.

Студент достал фотокарточку. Девушка на маленьком снимке была на меня похожа не очень, но я этого ему не сказал. Дело происходило в мае, уже вечерело. Неожиданно парень обнял меня за плечи и хотел посадить к себе на колени. Сделай он это, он, наверное, сразу бы догадался, что я не женщина. Вцепившись руками в его плечо сбоку, я отталкивал его.

– А он?

– Он отпустил меня и вдруг спросил: «Ты еще девственница?» Я опешил, не зная, что отвечать. Скажи я «да», он мог бы расхохотаться мне в лицо. Потому что девственницу

можно найти где угодно, только не в труппе бродячих актеров. Короче, я угрюмо молчал и лишь чуть заметно качнул головой. Ответ был весьма неопределенный, но любопытно, как воспринял его юноша. «Вот оно что!» – проговорил он, нежно погладив мои плечи. Потом спросил, не страшно ли мне, ведь здесь так часто бомбят аэродромы. Я ответил, что очень страшно, глаза у меня увлажнились, и я в слезах упал на его колени. Мой ответ он, по-видимому, понял как утвердительный, то есть решил, что я девственница, и пожалел меня. До чего же простодушным был этот студент! Он сказал, что через два-три дня вылетает на операцию, из которой уже не вернется. Я подумал, что, не превратись я в женщину, мне, возможно, тоже пришлось бы разделить его судьбу. Он снова перенес меня через речку и вручил мне прощальный подарок... Как вы думаете, что?

– Хм... право, трудно догадаться.

– Цианистый калий.

– Цианистый калий?

– Да. Его возлюбленная, работавшая по трудовой повинности на заводе, получила яд, чтобы им воспользоваться в критическую минуту. Среди работниц в конце войны это было, кажется, в моде. Возлюбленная студента уделила толику яда на случай безвыходного положения и ему. Но летчику-смертнику, сказал он, предстоит неизбежная гибель и без яда, так что он в нем не нуждается.

– Конечно, – сказал я.

– Когда я отправился навестить впавшего в детство старика, я еще раз вспомнил этого студента. Как вы уже знаете, к этому времени я снова принял мужской облик. Я пошел во флигель. Дверь была полуоткрыта, в комнате стоял полумрак. Был уже май, но рядом с постелью все еще горела комнатная жаровня. Сопровождавший меня «младший дедушка» отогнал мух. Девяностосемилетний старик, прикрытый до пояса одеялом, крепко спал, откинув правую руку в сторону. Его совершенно седые волосы и такая же белая борода сильно отросли; будь у него на лице страдальческое выражение, его можно было бы принять за отшельника или какого-либо подвижника, достигшего высшей степени духовного совершенства. Но у старика, пересилившего природу, вид был безмятежный и простодушный, как у невинного младенца. Однако, присмотревшись, я увидел, что на пальцах правой руки у него сошли все ногти. Старик, видно, уже окончательно одряхлел.

«Младший дедушка» громко произнес над самым его ухом:

– Отец! Пришел Момосукэ с Предместья!

Он что-то промычал, открыл глаза и взглянул на меня. Увидев его живые черные глаза, до сих пор не утратившие блеска, я ахнул от удивления.

Старик убрал правую руку под одеяло и, опершись на нее, сел. Пояс из белого крепа, который был надет у него на кимоно, подпернулся на груди. «Скорее назови себя», – торо-

пил меня «младший дедушка». Однако, пока я пристально всматривался в старика, он плавно и так же легко, как приподнялся, снова опустился на постель и, медленно отведя в сторону правую руку, опять погрузился в сон. На этом свидание кончилось. Боюсь, что оно было последним.

– Пожалуй, – согласился я.

– Я заплакал. Правда, старик умрет естественной смертью. Не то, что тот студент... – Сдвинув по-девичьи плотнее колени, Урю нахмурил брови, взглянул на меня своими черными глазами и добавил: – Мне тоже захотелось вернуться к естественности, к природе, и вот я ушел из труппы и сейчас живу один... Это была уже другая труппа, не та, в которой я играл во время войны и был там актрисой. Та труппа после поражения распалась. Но знаете, приняв свой мужской облик, я все-таки продолжал играть женские роли...

С минуты на минуту к Урю должна была прийти его гостья, и я забеспокоился.

Расслабив тело, Урю сидел с опущенной головой. Теперь он также походил на цветок, но только поникший.